

История пишет любовь

**СТРАСТЬ
СЕВЕРНОЙ
МЕССАЛИНЫ**

Елена Арсеньева

Елена Арсеньева

Страсть Северной Мессалины

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=419812
Страсть Северной Мессалины: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-43985-0

Аннотация

Ее называли Северной Мессалиной, упрекали в распутстве, злословили за ее спиной. Но никто не знал, сколь несчастной была императрица Екатерина, которую потомки назовут Великой.

Сколько ночей провела она без сна, чувствуя себя униженной и одинокой, как мечтала о любви.

И эта любовь придет к ней уже в зрелом возрасте – красавец Александр Ланской навсегда покорит сердце Северной Мессалины, она станет для него и любовницей, и матерью, и наставницей в науке любви, которую он станет постигать со всем пылом и азартом молодости.

Ах, кабы знать, какая страшная участь ожидает ее Сашеньку, какую боль он ей невольно причинит...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

67

Елена Арсеньева

Страсть Северной

Мессалины

Счастье – это такая вещь, которой не существует, но она может исчезнуть в любое мгновение.

Маркиз де Гулен

Императрица лежала в постели и ждала свинопаса.

Ну да, давным-давно в той стране, где она родилась, она слышала такую сказку – про королеву, которая полюбила свинопаса и захотела сделать его королем. Поправ все обычаи предков (предки с ужасом взирали на нее с фамильных портретов и, чудилось, укоризненно качали головами в коронах), она обвенчалась со свинопасом, назвала его властелином своего королевства и вот теперь ждала его в своей опочивальне, как и положено покорной жене. Однако муж все не шел. Королева ждала-ждала, ворочалась с боку на бок... Наконец она забеспокоилась, не случилось ли чего, и послала фрейлину посмотреть, куда запропал король. Фрейлина сделала книксен, покорно сунула ноги в туфли, вышла на крыльцо и внимательно оглядела королевство (сказочное королевство было крошечное, игрушечное... а впрочем, настоящее, то, в котором некогда жила императрица, было ненамного

больше!). Луна ярко светила, и фрейлина мигом разглядела пропавшего короля. Он спал на лужайке, посреди стада свиной, подложив под голову корону. Фрейлина опрометью ринулась на лужайку и растолкала короля:

– Ваше величество! Что вы здесь делаете?! Ведь вас ждет ее величество в своей опочивальне!

– А чего я там не видел? – зевнул король. – Мне здесь больше нравится. Иди, не мешай, а то моих свинок разбудишь. Да, и передай ее величеству эту штуку, на ней ужасно неудобно спать!

С этими словами свинопас вынул из-под головы корону, сунул ее фрейлине, а сам положил голову на толстую ляжку свиной – и мгновенно заснул. Фрейлина, держа одной рукой корону, а второй поднимая юбки, чтобы не испачкать их в навозе, побрела к королеве – сообщить, что ждет она своего свинопаса попусту...

– Donnerwetter! – вспомнив эту историю, пробормотала императрица на том языке, который некогда был ей родным, и прибавила на другом языке, который *стал* родным воистину (не зря же ее называли более русской, чем сами русские): – Кажется, я жду этого дурня попусту...

Она повернулась на бок и уткнулась в подушку, проклиная все на свете, и прежде всего себя и свою неумную натуру, мучительно призывая сон, гоня прочь тягостные мысли. Но мысли не уходили, а влекли за собой воспоминания о том, что однажды, давным-давно, сорок три года тому назад,

когда она была еще совсем не императрица всероссийская Екатерина, а просто маленькая, глупенькая, испуганная Золушка, она вот точно так же лежала в постели и ждала... Но тогда она ждала принца!

...Простыни ее постели были толстые, жаркие, колючие. Ткань, из которой они были сделаны, называлась каммердук, и в самом звучании этого слова было что-то колючее, жаркое и толстое. Такие простыни были бы уместны зимой, но совершенно не подходили к душной августовской ночи, наступившей вслед за днем ее свадьбы. Золушка вся извертелась в ожидании принца, с которым она нынче обвенчалась. Ей было неудобно, ей было страшно. А принц все не шел да не шел.

Золушка не знала, что ей делать, как вести себя в брачную ночь.

Встать? Остаться в постели? Ее никто не просветил на сей счет, даже матушка, которая казалась чем-то недовольной. Впрочем, она была недовольна всегда, если внимание оказывали Золушке, а не ей. А поскольку здесь, при петербургском императорском дворе, главной персоной была все-таки Золушка, а отнюдь не матушка, значит, та была недовольна постоянно. Вот и сейчас: простилась с Золушкой как с чужой, глубоким реверансом – и ушла вместе с придворными дамами.

Вдруг раздался стук в дверь. Золушка испуганно припод-

нялась, попыталась изобразить счастливую улыбку. Но это был не принц, а ее новая камер-фрау по фамилии Крузе. Камер-фрау очень весело объявила, что принц скоро придет. Вот только дождется, когда ему подадут ужин.

Золушка вдруг почувствовала, что тоже очень хочет есть. За весь день она и крошки проглотить не могла, пила только воду – и от волнения, и потому, что неловко чувствовала себя в страшно тяжелом платье из серебристого глазета, расшитого серебром. Платье стояло колом, мешало двигаться и немилосердно щипало кожу даже сквозь корсет. А как мучил Золушку надетый на нее венец! Голова болела так, что пришлось упросить императрицу позволить снять тесное и тяжелое украшение. Конечно, ей было не до еды. Но почему никто не подумал подать ей поесть потом?

Она хотела попросить камер-фрау принести хоть что-нибудь, например, куриную ножку или кусочек сыру, однако промолчала: ничего она не дождется от Крузе, та и шагу не сделает без позволения императрицы. А императрица уже спит. Все нормальные люди давно спят! Ведь у них же не брачная ночь. Счастливые...

За стенкой послышались шаги, и камер-фрау испуганно выскочила в другую дверь.

Вошел принц. Он снял шлафрок и остался в длинной ночной рубаше. Осторожно прилег рядом с Золушкой и чинно вытянул руки поверх атласного подбитого пухом одеяла.

Невзначай коснулся ногой ее ноги и сердито сказал:

– Какие холодные у вас ступни, сударыня!

Золушка торопливо поджала колени и спрятала под себя ладони, потому что у нее и руки заледенели от волнения.

Принц покосился на распущенные волосы Золушки, на ее грудь, которая быстро поднималась и опускалась, и хмыкнул.

– Ах, кабы здесь вдруг оказался ваш сынок! Каково было бы ему увидеть нас вдвоем в постели?

Золушка повернулась к нему недоуменно: какой еще сынок, да нет у нее никакого сына, у шестнадцатилетней-то девушки! И тотчас жарко покраснела, поняв, кого принц имеет в виду. Сынком она шутливо называла камер-лакея принца, молодого красавца по имени Андрей Чернышев. А он называл ее матушкой, как и положено по ее статусу. Принц всегда очень смеялся над этим. Он любил этого камер-лакея за его веселый нрав и удивительную красоту. Но с чего вдруг заговорил о нем сейчас? Разве это прилично? Между мужем и женой третий лишний, тем паче в первую брачную ночь!

Увидев, что Золушка смутилась, принц довольно захихикал. А потом вдруг широко зевнул и сказал:

– Ну, я спать теперь буду. Спите и вы!

Повернулся на другой бок и немедленно заснул, так и не коснувшись молодой жены. А Золушка не знала, смеяться ей или плакать.

Вот так брачная ночь!

Она вспомнила, как совсем малое время тому назад они

с фрейлинами спорили о различии полов. Самой Золушке было шестнадцать лет, фрейлины недалеко от нее ушли по возрасту и опыту, поэтому ничего толкового так и не придумали. Золушка решила на другой день узнать у матери, в чем же это самое различие состоит. Вспыльчивая матушка немедленно изругала ее на чем свет стоит за этот вопрос, но под конец пробормотала что-то вроде: «Вот как повенчае-тесь с принцем, так узнаете все у него!»

Ничего себе узнала!

Золушка невесело усмехнулась. Похоже, она недалеко ушла в знании жизни от той смешной десятилетней девчонки, какой она впервые увидела принца. Это случилось... где же это случилось? Ну конечно, в Эйтингге, резиденции епископа Любекского, правителя Голштинии. Епископ привез из Киля своего питомца, герцога Карла-Петера-Ульриха, которому тогда было одиннадцать лет. Принц показался ей каким-то тщедушным, а самое главное, склонным к спиртному. Впрочем, Золушка (кстати сказать, в те далекие деньки ее обычно называли Фике – уменьшительным именем от София-Фредерика-Августа) тогда мало обратила внимания на Карла-Петера-Ульриха: гораздо больше ее волновали сласти и фрукты, которые подали на десерт.

Конечно, она и представить себе не могла, что когда-нибудь станет его невестой, а потом и женой! Прежде всего потому, что твердо усвоила: она некрасива. Мать и отец, которые весьма заботились о ее добродетели, не уставали твер-

дить это, и потому Золушка-Фике гораздо больше времени отдавала учебе, чем заботам о своей наружности. Сказать по правде, до тех пор пока она не переехала в Санкт-Петербург, город своего принца, она знать не знала о каких-то женских уловках вроде кокетства – слышала такое слово, ну и все, – и не подозревала, что способна нравиться красивым мужчинам.

А еще она потому не могла даже мечтать сделаться женой принца, что и в самом деле была Золушкой – единственной дочкой наследного германского герцога Христиана-Августа Ангальт-Цербстского и его жены Иоганны-Елизаветы, урожденной Голштин-Готторнской. Золушка привыкла играть на улице с детьми горожан: сначала они с родителями жили в обыкновенном городском доме и только потом переехали в Штеттин, в некое подобие замка, лишенного даже намека на роскошь. Золушка рано поняла, что в ее отечестве, в Германии, отцовский титул ровно ничего не значит: таких, с позволения сказать, герцогов там имелось множество, вся страна была расчерчена вдоль и поперек на игрушечные герцогства, так что с крыльца одного замка можно запросто увидеть башни другого. Отец вообще должен был сам зарабатывать на хлеб и поступил служить в прусскую армию. Золушкина матушка всегда считала, что судьба ей недодала заслуженных благ, а потому тратила массу времени на интриги, чтобы убедить окружающих в собственной незаурядности.

А принц... о, принц! Он был не кто-нибудь, а внук вели-

кого русского императора Петра. Мать принца, Анна Петровна, некогда была замужем за герцогом Карлом Голштинским.

Внук русского царя... это звучало ошеломляюще, загадочно! Впрочем... впрочем, Фике откуда-то знала, что и в ее происхождении есть нечто загадочное. Например, она отлично помнила, как ее возили в Брауншвейг и показали королю Фридриху-Вильгельму. Золушку-Фике ввели в комнату, где находился король; сделав ему реверанс, Золушка пошла прямо к матери и спросила:

– Почему у короля такой короткий камзол? Он ведь достаточно богат, чтобы иметь подлиннее!

Хоть король и посмеялся над милой детской наивностью, ему не понравились ни эти слова, ни сама маленькая девочка. А ведь он смотрел на нее очень внимательно. Потом, через много лет Фике поняла почему. Ходили слухи, что настоящим отцом ее был вовсе не скромный Христиан-Август, а королевский сын, принц Фридрих, впоследствии известный как Фридрих Великий. Правда это или нет, знала одна только матушка Фике, однако Иоганна, как известно, была великой интриганкой. Совершенно невозможно было понять, когда она врет, а когда говорит правду. «Нет, нет, что вы, я честная женщина, отец моей дочери – мой супруг, Христиан-Август! Но, может быть, это Фридрих, а может, и кто-то другой...» Например, один из чиновников русского посольства в Париже, незаконный сын князя Трубецкого и баронессы Вреде,

Иван Бецкий, с которым была коротко знакома искательница приключений Иоганна, некогда оказавшаяся во французской столице.

То есть было не исключено, что и в Золушке текла капля либо королевской, либо русской крови. Она от всех это скрывала, но сама мысль о русской крови ей страшно нравилась. Куда больше, чем мысль о крови Фридриха! Она немножко русская – как бы поднимало Золушку над привычным миром германского захолустья, над всеми ее родственницами, этими унылыми, благовоспитанными кузинами и сумасшедшими тетушками, у которых всей радостью в жизни были их певчие птички, рассаженные по унылым клеткам (как-то раз Золушка пожалела птиц и выпустила их на волю, так тетушек едва удар не хватил!), над горожанками, которые с важным видом приходили в замок в гости, а матушка заставляла Фике в знак уважения целовать полы их платьев... А еще ей внушало веру в себя одно воспоминание. Однажды – она была еще совсем малышкой! – в Брауншвейге какой-то заезжий каноник, занимавшийся предсказаниями, изрек, что видит на ее ладони линии аж трех корон...

Может быть, это была шутка. Даже наверное шутка. Но *какова* она была!

Шло время, а короны оставались лишь на ладони Фике. Зато пришла весть, что судьба вознесла принца на небывалую высоту. Императрицей в России сделалась Елизавета Петровна, родная сестра его матери – значит, его тетка. У

Елизаветы не имелось детей, да и замужем она не была. И она не нашла ничего лучшего, как сделать тщедушного Петера-Ульриха своим наследником!

Штеттин наполнился таинственными шепотками и намеками. Все знали, что матушка Золушки находилась в отличных отношениях с нынешней русской императрицей. Елизавета Петровна некогда, давным-давно, была невестой ее брата, принца Карла-Августа Голштинского. Незадолго до свадьбы принц внезапно умер, но трогательные романтические воспоминания о нем Елизавета сохранила на всю жизнь. И, когда Иоганна поздравила ее со вступлением на престол, императрица ответила ей весьма живо и нежно. Более того, она попросила прислать портреты Иоганны и ее дочери!

Зачем?

Эта весть произвела такое впечатление в Германии, что отцу Золушки (имеется в виду почтеннейший Христиан-Август) было присвоено звание фельдмаршала. Как бы на всякий случай.

Портреты, написанные придворным художником, отослали. А в ответ из России было прислано великолепное изображение императрицы, осыпанное еще более великолепными брильянтами. Штеттин и Берлин снова начали шушукаться, высказывая на сей счет самые смелые предположения.

И эти предположения оправдались! Елизавета написала своей несостоявшейся родственнице Иоганне Ангальт-Цербстской письмо с просьбой незамедлительно при-

быть в Россию. И не одной – а с дочерью.

То есть с Золушкой.

* * *

– Помни, помни же, Дарьюшка, кому ты счастьем своим обязана! Помни и не забывай!

– Да разве мыслимо такое позабыть, тетушка! Вы мой добрый ангел, я за вас там, в Москве, всегда молилась, потому что мы с вами тезки, у нас с вами одна святая покровительница, и верила я отчего-то, что вы меня своим покровительством не оставите.

– Да и я о тебе частенько думала, но ты же знаешь, каковы твои тетушки московские... Да и дядюшка не лучше, а уж дедушка, царство ему небесное. Ладно, не станем о мертвых злословить. Теперь вся жизнь твоя переменится.

– Тетушка, скажите, неужто я у вас жить стану? Но ваши дочки, кухни мои...

– Дашенька, ты меня хочешь суди, хочешь не суди, но у нас ты не заживешься. Мне девок моих надобно замуж выдавать, а тобой заниматься не с руки. Ты уж, прости за такое слово, свой невестин век отжила, а потому решила я пристроить тебя к должности, на которой девушек пожилых очень жалуют.

– Господи, тетушка! Да неужто вы меня в монастырь прочите?! Да ведь даже дедушке покойному, каков он ни был ко

мне равнодушен и холоден, такая мысль и в голову не всходила! Господи, да за что ты меня наградил моей несчастливой звездой?! Да лучше бы мне не жить на свете!

Дашеньке Щербатовой иногда чудилось, что под несчастливой звездой рождались все ее предки и несчастья были фамильными сокровищами ее семейства. Кому-то из поколения в поколение переходит слава. Кому-то – баснословные богатства. Кому-то – обреченность на неудачи. В ее семье они и переходили – от отца к сыну, от матери к дочери. С неудачами венчались, с ними рожали детей, с ними отходили в мир иной, храня горькое недоумение и обиду на судьбу – за что так сурово распорядилась? За что столь немилостива?!

Вот взять, к примеру, Дашенькиного отца – Федора Федоровича Щербатова. Уж казалось бы, все складывалось великолепно! Отличился во время Семилетней войны, дослужился до генерал-майора. Был назначен присутствовать в Военной коллегии, участвовал в составлении Нового Уложения, отстаивал привилегии высшего дворянства. Во время начавшейся вскоре войны с Турцией проявил чудеса храбрости и распорядительности и был за эту кампанию награжден орденом Святой Анны, пожалован чином генерал-поручика. Правда, заразился свирепствовавшей в войсках моровой язвой, но в своей вотчине вскоре излечился и воротился в Крым, удерживал в покорности весь полуостров после отъезда главнокомандующего, князя Долгорукова. Наконец отпу-

щен был на поправку расстроенного здоровья, но едва успел приехать к семье, как был отозван в распоряжение генерала Бибикова, посланного для усмирения пугачевского бунта. После смерти Бибикова был назначен главнокомандующим. Однако ушел в Оренбург, оставив в Казани воинские команды, о которых знал отзывы Бибикова: они-де срамцы, скареды, негодники. Отзывы оправдались: Пугачев мигом «скаредов» разбил – и мятеж охватил все Поволжье. Все усилия князя Щербатова спасти положение оказались обречены, и императрица отрешила его от командования войсками, удалила от двора и отставила от службы – с запрещением жить в столицах.

Раньше Дашенька видела отца урывками и скучала по нему в его отсутствие, но теперь, когда семья воссоединилась в подмосковной вотчине, поняла, что прежде-то было у них с матушкой настоящее счастье! Князь, без конца жевавший и пережевывавший свою неудачу и свою бесспорную вину, в коей, впрочем, он не желал признаться даже себе самому, сделался невыносим. Жену свою, княгиню Марью Александровну, сперва поколачивал, а потом и всерьез принялся бить, обвиняя во всех смертных грехах, свершенных во время его отсутствия. Ну, может, что где и случалось – бес силен на уловление душ в сети греховные! – однако прежде, в бытность свою баловнем судьбы, Федор Федорович на все это охотно закрывал глаза, превыше всего ценя покровительство своего тестя, князя Бековича-Черкасского.

Однако тот занемог, переехал в Москву, не снеся петербургской сырости, для подагрических его костей невыносимой, перестал бывать при дворе и влияние свое там порастерял. Да и не желал князь протезировать зятю, коего тоже полагал виновным в потере всех достижений Бибикова в Поволжье. Марья Александровна сделалась для мужа крайней и за холодность отца своего к зятю, и за свою к супругу холодность, и за пугачевскую горячность. Перепадало и Дашеньке отцовского кулака, когда она решалась за маменьку вступить, и кончилось все тем, что княгиня от супруга сбежала, прихватив дочку. Поехала она к отцу, однако через знакомцев и родичей своих князь Федор распустил слух: он-де сам выгнал жену за ее многочисленные измены. Общество от соломенной вдовы отвернулось, отец был слишком слаб, чтобы за нее вступить, – Марья Александровна не снесла горя и вскоре умерла, оставив Дашеньку сиротой.

Девушка уже давно заневестилась, ей бы партию сыскать, однако никто ее судьбой не занимался. А ведь жил князь Бекович-Черкасский в Москве, где в Дворянском собрании цвела пышным цветом знаменитая на всю Россию ярмарка невест!

Конечно, для петербургской столичной дамы все это было ужасно провинциально и ретроградно. Все осмеивали в Северной столице обычай раз в год свозить девиц-невест и выставлять их в Дворянском собрании, словно живой товар! Коли на домашних или придворных балах девицы танцуют

– это прилично. А по стеночкам стоять, ожидая, когда на тебя упадет благосклонный взор... Однако Дашенька от своего одиночества так мучилась, что уж готова была и в Дворянское. Однако беда: не имелось у нее никакой взрослой родственницы в Москве, которая бы ее в собрание вывезла – не деду же, на краю жизни стоявшему, этим заниматься! Сын его, Владимир Александрович, неотлучно находился в армии, да и какой из военного покровитель в сватовстве? Тетки, старые девицы Анна и Елизавета, погоню за женихами презирали – видимо, оттого, что невыносимо зелен был этот виноград. Тетка же петербургская, матушкина сестра Дарья Александровна, бывшая в счастливом замужестве за их родственником князем Черкасским, о племяннице знать ничего не хотела, а может, и хотела, да не могла, потому что московские Бековичи-Черкасские с петербургскими Черкасскими состояли в ссоре, почитали их выскочками, мотами и щеголями-петиметрами, а потому держались от них подальше. Дарья Александровна даже на похороны сестры допущена не была, чего ж ждать от нее, какого покровительства племяннице?

Вот так проходил год за годом, немногочисленные московские знакомые Дашеньки все давно повыходили замуж, нашли себе супругов и провинциальные барышни, толпами наезжавшие в столицу в поисках женихов... Дашенька же мерила шагами пыльные, холодные комнаты дедова дома, украдкой читала романы, за которыми, тоже украдкой, бега-

ла в лавку ее преданная, как левретка, горничная Пашенька, и думала, что унаследовала не только несчастливую судьбу князя Щербатова, но и судьбу прадеда своего по материнской линии, князя Девлет-Кизден-Мурзы, во крещении святом – Александра Бековича-Черкасского, капитана гвардии Преображенского полка. Князь сей был известен своей несчастной экспедицией в Хиву, совершенной еще в петровские времена. Было у него повеление от государя-императора пойти к хану с посольством, однако хивинский хан мирным намерениям русских не верил, а пуще того – верить не желал и порешил их извести. Прикинулся доброжелательным союзником и уговорил Бековича-Черкасского разбить войско на пять отрядов и развести по пяти хивинским городам. Но лишь только отряды разошлись, хивинцы напали на них и перебили вместе с полководцем. Лишь немногим удалось спастись и добраться до России, принеся туда печальную весть. Дети и внуки Бековича-Черкасского, несмотря на провал миссии, всегда были в чести при дворе, однако Дашеньку несчастливая судьба ее предка настигла-таки, взошла над ней его злополучная звезда!

Зима сменялась весной, потом летом, потом начиналась осень, и Дашенька все чаще чудилась себе деревцем, которое обречено на вечное увядание. Предстоящая ей доля старой девы – подобия *tantes*¹ Анны и Елизаветы – доля, которая сначала казалась невероятной и ужасной, теперь мни-

---

¹ Тетушек (фр.).

лась вполне возможной... правда, менее постыдной, мучительной и нежеланной от этого не становилась. С ненавистью смотрела девушка в зеркало, с ненавистью вглядывалась в многочисленные прыщи, которые усеивали ее тонкое, с правильными чертами, лицо. Она могла быть красавицей, когда б не эти прыщи! А с чего они на роже высыпали, как не с девьей плотской тоски?! И сеточка преждевременных морщинок, чудилось – а может, и не чудилось! – уже расплзалась под глазами, и Дашенька все чаще снилась себе одиноким засохшим деревцем... Это были самые страшные сны. Однажды ей приснились собственные похороны, но даже и той ночью не испытала Дашенька такого ужаса, как от снов, где снова и снова являлась ей закручинившаяся березка с горестно поникшими ветвями, сухая, безлистная, гнущаяся на юру под ледяным ветром одиночества. Дашенька не хотела остаться одна, не хотела заживо засохнуть. Она хотела любви, она хотела мужской любви, она хотела быть женой... уже все равно чьей, но *быть женой!*

А потом дед умер.

Дашенька встретила его смерть равнодушно. Что теперь могло для нее измениться? Да ничего. Как жила она в затворе, так и будет век доживать. Вот разве что тетка из Петербурга приедет... начнет небось с братом, с сестрами из-за имущества тягаться...

Дарья Александровна приехала, однако спорить с семьей из-за наследства не стала. В свое время, когда еще мать бы-

ла жива, она получила хорошее приданое, муж ее был богат, поэтому портить репутацию избыточной меркантильностью она не захотела. Единственное, о чем попросила, – это чтобы отпустили Дашеньку с нею в Санкт-Петербург. Московские родственники рады были развязаться с докукой. Дашенька тоже была счастлива уехать. Но об участии, уготовленной племяннице, тетушка не сказала.

* * *

Императрица повернулась на другой бок. Может быть, удастся заснуть? Воспоминания отвлекали. Она не любила предаваться этому занятию, предпочитала на ночь либо читать, либо обнимать какого-нибудь мужчину, но сейчас у нее не было ни того, ни другого.

Чертовщина! Ну почему, почему так сложилось?! И как могло это получиться?

Как, как... Жизнь очень напоминает долгое путешествие. Человек – неопытный путник. Он следует своей дорогой, мечтает о прибытии к цели, наслаждается красотами пути, как вдруг в сапог или башмак ему попадает малый камушек. Попадает, забивается под пальцы и лежит там, затаясь. Но нет, он не просто лежит. Он начинает тихонько натирать ногу. Сначала путник воспринимает это как досадную помеху, на которую можно не обращать внимания. Потом саднящая боль начинает его отвлекать и раздражать. И он пытается по-

нять, что вообще произошло. Безотчетно шевелит пальцами, постанывает, кривится от боли. Наконец понимает, что нужно сесть и разуться. Он делает это и наконец обнаруживает под пальцами камушек. Смотрит на него с презрением, потом выбрасывает. Облегченно вздыхает, обувается снова и бодро встает на ноги, готовый продолжать путь. А нога болит все равно – камушек успел крепко ее натереть! Путник хромает, удовольствие от путешествия потеряно, он думает только о боли... Хорошо, если ранка заживет сама по себе. А если туда попала грязь? Нагноение, заражение... так и вовсе обезножить можно!

И путник начинает думать: «Какой же я был дурак, что не обратил внимания на этот камушек с самого начала!» Он думает. Думает об этом крохотном камушке, которого сначала даже не замечал. Думает и не может понять: «Да как же так, такая малость, а из-за нее я не могу попасть туда, куда стремился!»

Камушек и не заслуживает его мыслей и страданий. Но их заслуживает боль, которую он причинил.

А может быть, ей просто кажется? Может быть, на самом деле и нет ничего?

Все-таки она императрица... с ней не могло этого произойти! Не могло!

Она невесело усмехнулась. Таково было свойство ее натуры, что она то и дело удивлялась: «Да нет, этого не могло со мной произойти!» Касалось ли это плохого или хорошего –

первым ощущением ее было изумление: да неужели, нет, не может быть!

Даже тогда, в юности...

– Вы, ваше высочество, такого, конечно, никогда не видели! – гордо воскликнул князь Нарышкин, камергер императрицы Елизаветы Петровны, сопровождавший из Риги в Петербург тех, кого велено было пока называть просто высокими гостями русской государыни.

Фике понимала, что смотреть вокруг такими вытаращенными глазами просто неприлично. Но ее все поражало, все, что она видела. Самая мелочь чудилась невероятной. Она никак не могла успокоиться после посадки в сани, в которых им предстояло ехать в русскую столицу. Это оказались самые удивительные сани на свете! Очень длинные, обитые красным сукном с серебряными галунами, они были устланы мехом, матрасами, перинами и шелковыми подушками, а сверху еще и атласными одеялами. В этих санях, нарочно предназначенных для долгого зимнего пути, нужно было не сидеть, а лежать, но Фике не могла сообразить, как же в них забраться.

– Надо закинуть ногу! – ретиво пояснял Нарышкин, сопровождая свои слова усердными жестами. – Закидывайте же!

Фике помирала со смеху над его забавными движениями и собственной неловкостью и долго еще хихикала украдкой,

когда сани уже понесли с невероятной скоростью.

– Не видели столько снега, говорю я? – повторил Нарышкин.

– Ах нет! – с жаром возразила Фике. – Видела, видела! Если бы вы только знали, какая с нами однажды приключилась ужасная история! Мы в декабре возвращались из Гамбурга на почтовых. В тот день вдруг повалил снег, и выпало его такое множество, что почтальон сбился с дороги. Пришлось ему выпрячь лошадей и поехать искать проводников в каком-нибудь ближнем селении. А мы остались в карете: мы с матушкой, моя воспитательница и горничная, да еще впустили туда двух наших лакеев, чтобы они не замерзли. Все это приключение началось около пяти часов вечера, а вернулся почтальон с проводниками только на рассвете. Они едва откопали нашу карету, она была почти погребена под снегом! Правда, матушка?

Фике повернулась к Иоганне-Елизавете, но мать не слышала. С той минуты, как они с дочерью прибыли в Ригу и на каждом шагу им начали оказывать придворные почести, Иоганна была словно не в себе. От всего этого голова шла кругом! «Когда я иду обедать, раздаются звуки трубы, барабаны, флейты, гобои наружной стражи оглашают воздух своим звуками. Я не могу освоиться с мыслью, что это делается для меня!» – упоенно размышляла она.

Но это делалось отнюдь не для нее. Это делалось для Фике, ибо она ехала в Петербург, чтобы сделаться невестой

принца.

Иоганна никак не могла поверить, что ее невзрачной дочке так повезло, и была намерена извлечь из случившегося как можно больше пользы – для себя лично и для Пруссии. Она отлично помнила инструкции своего императора и была намерена вызнать как можно больше тайн русского двора. Поэтому, едва оказавшись в русской столице, она свела дружбу с французским посланником Шетарди и вместе с ним начала интриговать против влиятельного елизаветинского министра Алексея Бестужева, противника сближения России и Пруссии. На чувства и настроения дочери ей было совершенно наплевать. Фике станет женой наследника русского престола – разве это не предел мечтаний для захолустной Золушки? И не все ли равно, что собой представляет принц?!

А в самом деле, что же он собой представлял, этот Карл-Петер-Ульрих?

После смерти матери его воспитывали нянюшки, а в семь лет их резко сменили учителя-мужчины. Про одного из них знающие люди говорили, что он годен воспитывать скорей лошадей, а не принцев. Да уж... Этот голштинец по фамилии Брюммер пользовался полной свободой и безнаказанностью, зато своего питомца наказывал крайне строго. За малейшую провинность оставлял принца без обеда или ставил коленями на сухой горох. Он внушил мальчику столько ужа-

са, что уже потом, после переезда в Петербург, принц боялся его кулаков как огня и, случалось, даже звал на помощь гренадеров, стоявших на часах, чтобы спасли его от сурового воспитателя.

Карл-Петер-Ульрих был одновременно наследником русского и шведского престолов, оттого его учили и русскому, и шведскому языкам. В результате он не знал ни одного, и даже его тетка, императрица Елизавета, которая отнюдь не отличалась переизбытком образования (например, она до конца своей жизни была убеждена, что до Англии вполне можно доехать посуху), ужаснулась, убедившись в круглом невежестве племянника. Она поручила его попечению профессора Штелина, однако даже этот знаток элоквенции², философии, логики и поэзии был не в силах изменить своего недалекого, ленивого, хитрого, грубого, трусливого питомца. Фике была на редкость чистосердечна, и жених удивлял ее своей бессмысленной лживостью и хвастливостью. Однажды он захотел поразить невесту своей баснословной храбростью и принялся рассказывать о подвигах, совершенных им в войне с датчанами. Она спросила, когда же это было.

– За три или четыре года до смерти моего отца, – брякнул принц.

– Значит, вам тогда не было еще и семи лет, – сказала наивная Фике, которая хорошо умела считать.

Принц рассердился и надулся.

---

² Ораторского искусства.

Тогда ли поняла Фике, насколько мелок и ничтожен ее жених? Или это произошло в другой раз? Поводов было предостаточно. Например, Петер совершенно не стеснялся обсуждать с ней, как ей повезло, что выбор Елизаветы Петровны пал именно на нее. Ведь невестой русского принца могла стать саксонская принцесса или французская! Фике должна очень высоко ценить благорасположение императрицы и принца!

Фике ценила. А кроме того, понимала, что на любовь принца ей рассчитывать нечего. Он просто не способен любить. Он был по сути ребенок, который обожал болтать о своих игрушках и солдатиках. Они с невестой никогда не говорили на языке любви! И если императрице, которая, как успела понять приметливая и проницательная Фике, была весьма взбалмошна и непоследовательна, все же взбредет в голову поискать для племянника другую невесту, на заступничество жениха надеяться нечего. Он помашет ей вслед ручкой, пожелает приятного возвращения в Штеттин – и обратит свою непостоянную неблагосклонность к другой искальнице счастья.

Но Золушка-Фике не хотела возвращаться в свое игрушечное королевство, к своему погасшему камину и остывшей золе. Она хотела остаться в России!

Ей все здесь нравилось. И снег, подобного которому, конечно, не было в Пруссии. Там он выпал один раз – и нет его, растаял, а здесь снег лежал месяцами, белый и пышный, хо-

лодный и красивый. Ей нравились сани, в которых надо было ездить по этому снегу. И Фике уже научилась забираться в них совершенно правильно. Ей нравился странный, призрачный город Петербург и роскошный, огромный и причудливый Зимний дворец – пусть даже пронизанный сквозняками, неудобный и несуразный. Ей нравилась роскошная мебель – ну и что, что ее приходилось перевозить с собой, когда двор отправлялся в Царское Село или перебирался в Летний дворец. Ей нравилось, что в России всего слишком много – лесов, снега, необозримого пространства, комнат во дворце, народу на улицах, блюд на столе, платьев у императрицы... а у Елизаветы Петровны, надо сказать, было пятнадцать тысяч платьев и пять тысяч пар башмаков!

И сама императрица, непредсказуемая, суеверная, необязательная, очаровательная, приветливая, истеричная, смешливая, крикливая, властная, чувственная, набожная, обидчивая, улыбчивая, добрая, злая, щедрая, скупая, тоже нравилась Фике. Ей очень хотелось, чтобы государыня полюбила ее. Ей очень хотелось, чтобы ее полюбила Россия!

Для этого, поняла Фике, она должна была и сама сделаться русской. Если ее жениху угодно щеголять голштинским жаргоном и прусскими манерами – это его дело, он принц, ему прощается все. Но она, малышка Фике, Золушка из Штеттина, должна стать русской совершенно – от публичных речей до сокровенных молитв.

«Я хочу быть русской, чтобы русские меня любили!»

И она начала учиться русскому языку. Да так, как будто от результатов этой учебы зависела ее жизнь!

Однако в своем усердии Золушка сама же подвергала эту жизнь опасности.

Чтобы повторить урок, заданный ее учителем Ададуровым, Фике однажды проснулась среди ночи и принялась зубрить, бродя по комнате. Чтобы не клонило в сон, она нарочно ступала по промерзшим половицам босыми ногами. Наутро ее било в ознобе так, что она не могла ехать на обед к принцу, и даже ее матушка, которая отнюдь не была склонна щадить дочь, забеспокоилась. Ночная зубрежка вылилась в жесточайшее воспаление легких, от которого Фике лечили, шестнадцать раз отворяя ей кровь, под личным присмотром императрицы, пока не вышел, наконец, злостный нарыв.

А между тем история о маленькой чужеземке, которая чуть ли не до смерти заболела, когда учила русский язык и русские молитвы, занимала и двор, и петербургское общество. Кроме того, стало известно, что мать ее, считая дочь уже почти умирающей, хотела позвать к ней протестантского пастора, но девушка отказалась и попросила православного священника. Это всех умилило. Фике жалели... а по-русски «жалеть» значит «любить». Даже принц начал проявлять больше внимания к своей невесте. Правда, он навещал ее лишь для того, чтобы поведать о своей любви к фрейлине Лопухиной, матушку которой императрица недавно приказала сослать в Сибирь.

Фике делала вид, что сочувствует девушке, но сочувствовала она себе. Может быть, именно тогда ей стало ясно, что между нею и женихом никогда не будет не то что любви, но даже и тени взаимопонимания? Он был глуп, он был безнадежно глуп и бессердечен... А впрочем, Фике не стыдилась признаться себе, что русская корона привлекала ее больше, чем особа принца.

При дворе за время ее болезни многое изменилось. Иоганна меньше беспокоила за здоровье дочери, чем за успех своих интриг. И заигралась в опасные игры до того, что потеряла осторожность. Ее связь с маркизом де Шетарди, откровенное шпионство и непочтительность к России вообще и к императрице лично вызвали яростный гнев Елизаветы Петровны. Государыне было чем возмущаться! За ней не хотели признавать императорского титула, самые интимные подробности ее жизни, ее характера становились достоянием враждебных дворов, причем снабженные весьма оскорбительными комментариями. И в этих оскорблениях, в попытке расшатать благополучие ее внутренней и внешней политики, убрав министра Алексея Бестужева, были повинны не только француз Шетарди, но и почти родственница! Мать невесты наследника!

Грязные сплетники, вот кто они такие. Грязные сплетники!

Шетарди был немедленно выслан. Иоганну не выгнали только потому, что приближалась свадьба принца и Фике.

Однако и речи о прежнем доверии между ней и императрицей не могло быть. Матери невесты предписали покинуть Петербург тотчас после венчания.

Теперь уже всякое лыко было ей в строку, тем паче что Иоганна не знала удержу. Ей вдруг приспичило заполучить отрез красивой материи, который был у дочери. Фике лежала больная, в жару – мать не постеснялась выпросить у нее ткань. Эта маленькая история получила огласку – и вызвала новый прилив неприязни к Иоганне и сочувствия к Фике. Государыня прислала ей взамен два роскошных отреза и приказала поспешить с крещением и миропомазанием. На место крестной матери будущей великой княгини претендовали самые блестящие дамы двора, но государыня сама пригласила для этого игуменью Новодевичьего монастыря, восьмидесятилетнюю подвижницу. Большую честь трудно было вообразить. Но чтобы еще сильнее доказать свое расположение, императрица заказала к этой дате для Фике платье, во всем подобное своему: малиновое с серебром.

Но в этот день Фике блеснула отнюдь не только роскошью наряда. Она произнесла свой символ веры как нельзя лучше, громко и внятно, на русском языке почти без акцента и совершенно без ошибок. Неудивительно, что половина присутствовавших в церкви облилась слезами умиления и восторга – и в их числе сама Елизавета Петровна. Невольно вспоминали, как косноязычно произносил символ веры, как нелепо вел себя в день крещения принц! Он как был чужаком, так

и остался. А эта тоненькая девочка стала своя!

Великое событие торжественно отпраздновали балами, маскарадами, фейерверками, иллюминациями, операми и комедиями в течение по крайней мере восьми дней. А потом императрица, великий князь и великая княгиня (теперь Фике звалась великой княгиней и ее императорским высочеством!) отправились в Киев – в Печерскую лавру – каждый со своей свитой (да-да, у Золушки теперь была своя свита!). И ее уже никто не называл смешным детским именем Фике. Отныне она звалась Екатериной Алексеевной.

И Золушка с полным на то правом окунулась в вихрь придворных удовольствий.

Раньше, в детстве, уроки танцев казались Фике довольно бессмысленным занятием. Теперь Екатерина – отныне она откликалась только на это имя! – стала без ума от танцев! С семи и до девяти утра она брала уроки у знаменитого учителя Ландэ, потом занималась с ним от четырех до семи вечера, ну а затем одевалась к маскараду – и снова танцевала чуть не до утра.

До таких забав была большая охотница и сама императрица. Елизавета Петровна постановила, чтобы на маскарадах, где присутствовали только лица, особо приглашенные ею, все мужчины одевались женщинами, а все женщины – мужчинами. Зрелище по большей части было довольно убогое, хорошо в мужском платье выглядела только сама императрица. Она была высокого роста и, хоть полновата, но чу-

десно сложена. Ноги у Елизаветы Петровны были очень красивые, и обтягивающие чулки лишь подчеркивали их совершенство. Как-то раз Екатерина не удержалась и сказала императрице: счастье-де, что она не мужчина, иначе вскружила бы головы очень многим женщинам и разбила бы несчетное количество сердец. Кстати сказать, и в женском платье императрица была очаровательна, а танцевала равно восхичительно – что в том, что в другом наряде. Однако лишь на нее, переодетую, и можно было смотреть с удовольствием. Мужчины страшно злились, путаясь в юбках и волоча за собой тяжеленные фижмы, а женщины рисковали быть постоянно опрокинутыми этими чудовищными колоссами, которые беспрестанно всех задевали. Однажды камер-юнкер Сиверс повалил на пол своими фижмами и графиню Гендрикову, и Екатерину. Они даже встать сами не смогли от смеха, пришлось их поднимать!

Екатерина тогда хохотала как сумасшедшая. Поначалу все это было необычайно интересно. Ведь ей было только пятнадцать лет, этой умненькой девочке! И она словно заново открывала для себя мир беззаботной юности, неумеренного веселья – и большого богатства.

Кстати, о богатстве. Великой княгине было выделено «на булавки» тридцать тысяч рублей в год, и сначала это казалось баснословно огромной суммой. Ведь Германия отпустила ее бесприданницей – натурально с одним только медным кувшином в руках! Но очень скоро выяснилось, что сумма не

так уж велика. С самого начала Екатерина получила всего пятнадцать тысяч, а на остальные деньги наделала долгов, которые очень рассердили императрицу. Но как было их не наделать?! Екатерина старалась быть приятной своему окружению, беспрестанно делала подарки и подарочки всем, начиная с собственной матери и кончая фрейлинами. Она была расточительна прежде всего потому, что презирала богатство. Деньги служили для нее не целью, а всего лишь средством доставить себе и другим удовольствие. Кроме того, невозможно было жить при таком роскошном дворе – и не быть расточительной. Дамы меняли туалеты по крайней мере дважды в день. Такой порядок был установлен самой Елизаветой Петровной, которая очень любила наряды и никогда не надевала дважды одного и того же платья. И Екатерина была вынуждена соответствовать этим правилам.

Увы, при легкомысленном дворе невозможно не сделаться легкомысленной. Читать книги было некогда. Да и с кем их обсуждать? Не с великим же князем, который, по наблюдениям Екатерины, все больше и больше впадал в детство... Он перенес оспу и стал совсем уж невзрачен на вид. Болезнь еще больше замедлила его умственное развитие, он сделался совершенно неукротим в своих прихотях, в грубости и жестокости. Петер или обучал шагистике и ружейным приемам своих слуг, или играл в куклы: у него была целая кукольная армия, разодетая, само собой, на голштинский манер, и принц упивался полной покорностью этих солдат.

Мать все больше отдалялась от Екатерины. Иоганна не могла перестать интриговать, она дружила только с людьми, которые не стеснялись втихомолку осуждать императрицу, а Екатерине это не нравилось... Мать обижалась и, в свою очередь, досаждала дочери, как только могла. Вздумалось той погулять со своими служанками среди ночи по саду (без единого мужчины, даже без камердинера) – это вылилось в грандиозный скандал, мать обвинила ее чуть ли не в распутстве. Екатерина вздумала спросить матушку о различии полов – снова крик, снова упреки... Кажется, Иоганна испытывала истинное удовольствие, доводя дочь до слез.

Да, конечно, Екатерина продолжала оставаться самой настоящей Золушкой, которую мог уязвить всякий, кому не лень. На нее ябедничали фрейлины императрицы, ее бранила мать, ею пренебрегал жених... И уж конечно, ее донимала императрица, которая порою вмешивалась во всякую ерунду. Когда Екатерину причесывали к венцу, Елизавета Петровна в пух и прах разбранила ее и ее камердинера за то, что он вздумал завить ей челку. Полдня длилась маленькая война из-за этой несчастной челки, потом императрица устала и сдалась.

«Все изменится, как только я стану женой принца, – твердила себе Екатерина. – Все изменится!»

Она ожидала волшебной перемены не только в окружающем мире, таком холодном, недобром, переполненном интригами. Она ожидала волшебной перемены в себе и в своих

отношениях с принцем. Она перестанет быть Золушкой!

А ничего не изменилось, кроме имени...

После брачной ночи она осталась такой же, какой была. И все последующие ночи ничего не изменили, потому что, хотя муж и спал отныне в ее постели, ночи их были безгрешны.

* * *

– Ну, брат, такое дело... Ты мальчонка умный, поймешь. На тебя теперь вся надежда.

– Ваша светлость, князь Григорий Александрович... Чего изволите – все исполню! Вовек помнить буду, что так и помирал бы я с тоски на коште у дядюшки моего Строганова, кабы не взяли вы меня в службу в Измайловский полк и не покровительствовали бы мне.

– Да что ты так уж прибедняешься? Я ж тебя не под забором подобрал. Дмитриевы-Мамоновы – славная фамилия. Очень может статься, даже если бы генерал Загрязский, друг твоего батюшки и мой дядя, не рекомендовал тебя так горячо, я бы и сам обратил на тебя внимание. Карьера твоя военная коротка, но блестяща, в адъютантах ты исполнитель и рачителен, так что я только рад дать тебе случай отличиться.

– Как прикажете отличиться, ваше сиятельство?

– Как это – как? Я ж сказал – *случай дать*. Ты, братец, слыхал, что такое – *быть в случае*?

– Как не слышать... Слыхал. Все небось слышали.

– А чего это ты, Сашка, губы дуешь? Чего косоротишься, а? Ведь и мне выпало *в случае* быть.

– Ну... это... с вами-то особенное дело, как бы сказать...

– Да никак не говори. То, что промеж нас с государыней было, того у ней больше ни с кем не будет. Но она женщина такая, она женщина особенная... Знаешь, печка топится лишь тогда, когда в нее дровишки постоянно подкидывают. А Катерина Алексеевна, матушка наша государыня, всех нас своим теплом обогревает. Стало быть, каждый должен за честь почесть, коли ему выпадает случай в эту печку дровишки подкидывать. И истопнику честь, и поставщику дров. Только вся штука в том, чтоб истопников при случае сменить можно было, а поставщик один оставался бы.

– Понимаю, ваша светлость, князь Григорий Александрович... Слышал, вы уже меняли истопников... сначала это были вы сами, а когда Завадовский нежданно вклинился, желая вас вытеснить, вы быстренько нового истопника сыскали в соперники ему, Семена Зорича, потом Ивана Римского-Корсакова, потом Василий Левашов мелькнул, да еще Николай Высоцкий, племянник ваш... потом, всем известно, граф Толстой с Ланским вклинился, однако скоро Ланской сделался вашим адъютантом и вполне, значит, вам послушным истопником... Правда, Николай Мордвинов ему чуток дорогу не перешел с вашего же изволения, однако ж это... того-с... кочергой, видать, плохо шурувал и мимолетно только скользнул... возле печки. А после смерти Ланского, когда

государыня утешиться не могла, печку топит Александр Ермолов. Он нынче *в случае!*

– Со вчерашнего дня он уже не *в случае*.

– Ах что ж это! А я и не знал! Ну и перемены!

– Вот тебе и что ж это, вот тебе и перемены. Глупо тому, кто мною же выдвинут был, против меня интриговать. И не только в неблагодарности дело! Против меня козни строить – то же, что против государыни, ибо мы с ней... мы с ней одна сатана, понимаешь?

– Значит, правдивы слухи, что, мол, вы, ваше сиятельство, с ней, с государыней... езживали вы с нею годков тому десять иль пятнадцать назад, в праздник Животворящей Троицы, значит, в храм Святого Сампсония Странноприимца, и там пред алтарем...

– Молчи, молчи о сем.

– Да я ни словечка. Я просто так.

– Вот и хорошо, что просто так, вот и хорошо, что понимаешь: узы наши вечны, святы и нерушимы. Верю, станешь мне служить верою и правдою там, куда я тебя определю. Пора вместо Ермолова другого истопника государыне представить, пока опять какой-нибудь там Толстой не подсуетился. И я подумал о тебе, Сашка.

– Обо мне!

– Ну да, а что? Чем ты нехорош? Я же тоже, понимаешь ли, не с печки упал, давно к тебе присматриваюсь. Ты, ко-

нечно, un visage de kalmouk, mais plein d'esprit!³

– Что вы говорите, ваше сиятельство?!

– Да это не я, это одна из придворных дам о тебе ляпнула. Хоть калмыковат, зато собой пригож. А что? Ликом ты и впрямь весьма хорош, правильные черты, черные глаза твои хороши, бровищи соболиные, я таких и не видал; вид имеешь благородный, походку легкую... Кожа без всяких притираний чиста и свежа... Эх, не встречал я большей ценительницы мужской красоты, чем государыня, вот и сам поднаторел в сем деле. Небось послушает кто, как я рассуждаю о твоих глазах да бровях, так содомитом меня сочтет, а ведь я ни сном ни духом касательства к сей пакости не имею... нужда заставила к вам, мальчишкам, присматриваться! Конечно, ноги у тебя малость кривоваты, сейчас и видно, что не калмык, так татарин в твоих прадедах имеется. Однако ноги в сем деле, к коему я тебя определить чаю, не самое главное – главное то, что промеж ног, а у тебя с этим как нельзя лучше обстоит, за версту видать. Кроме того, роман, который ты завел с дочерью покровителя своего, Строганова, когда у него жил-поживал, характеризует тебя с самой галантной стороны. Но главное – ты не дурак! Видишь ли, матушка-императрица не просто так естество тешит – она пытается возвысить до себя всякого мужчину, который оказывается рядом с ней на ложе. Знал бы ты, каким невежей был Сашка Ланской, а каким стал!.. Я и сам диву давался, что€

---

³ Напоминает лицом калмыка, но вполне одухотворенного (*фр.*).

она из него сделала. Но там основа была благодатная. Лыщусь надеждой, благодатна она и в твоём случае. Ты не мальчишка – уж двадцать седьмой годок пошел, значит, можешь сообразовать ум и естество для дела. Опять же, итальянским и французским владеешь, а еще по-русски говоришь и пишешь, как немногие при дворе, это государыня весьма оценит, не сомневаюсь. И рисуешь недурно... Всяких «Велизариев», «Бесов хромых»⁴ читывал, знаю. Кроме того, сам ты как-то обмолвился, что, было, не мог уснуть, не положив томик Гомера под подушку. Государыня от такого просто без ума. Годен, право слово, годен ты в истопники!

– Ваше сиятельство, так ведь это по вашему разумению все ладно выходит. А может, государыня на меня и глянуть не пожелает?

– Вот это я и намерен узнать нынче же! Я тут для Эрмитажа несколько картин приобрел. Вечеру внесут их на «собственную половину».⁵ Тебя определяю их сопровождать. Посмотрим, что государыня скажет, на тебя поглядев.

– А она... а как она угадает, я-де... я, это, не просто так с картинками...

– Милый ты мой! Она – угадает! И не сомневайся даже, на что хошь пари держать готов – она уже сейчас знает, о чем я с тобой говорю. И это при том, что я ей ни словом не

---

⁴ Потемкин имеет в виду романы «Велизарий» аббата Мармонтеля и «Хромой бес» Лессажа.

⁵ Так назывались личные покои императрицы Екатерины в Зимнем дворце.

обмолвился.

– Каким же образом?

– Такая вот она у нас... *угадливая*. Тебе это еще предстоит изведать. Имей в виду на будущее, коли все удачно сложится: не моги от нее ничего таить, лучше сразу, ежели провинишься, не лги, не отмалчивайся, а правду-матку режь, в ножки падай и прощенья проси. Куда хуже будет, если она что-то про тебя *угадает*! Тогда пойдут клочки по закоулочкам, да уж поздно будет. Ладно, дай бог, все сладится полюбовно, а пока готовься картины нести в ее покои.

* * *

Императрица слабо усмехнулась. Какая она была глупенькая! Какая она была глупенькая и неопытная. И совершенно невинная.

Это теперь она знает о мужчинах, кажется, все, а тогда и в голову прийти не могло, что происходит с ее супругом.

Она и вообразить не могла, что ее супруг, великий князь Петр Федорович, страдает небольшим телесным недостатком, который можно было бы устранить минутной операцией. И после этого ему ничто не мешало бы исполнить супружеские обязанности. По странному совпадению, приблизительно в то же время таким же недостатком страдал и другой король – повелитель Франции Людовик XVI. И это доставляло немало неприятностей его жене – Марии-Антуанетте,

заставляя ее проводить ночи с бесполезным и унылым супругом, а днем томно поглядывать на молодых и красивых дворян (что, между прочим, во многом определило ее трагическую судьбу!).

Конечно, и Екатерина была не без глаз. Она давно, еще до свадьбы, усвоила, что белый свет вообще и придворный круг в частности просто-таки переполнены молодыми людьми, которые в десятки и сотни раз красивее, любезнее, веселее ее мужа. И все-таки поначалу она искренне старалась быть преданной, хорошей женой. Но вскоре поняла: если она полюбит этого человека, великого князя Петра, если станет домогаться его благосклонности, привяжется к нему, то сделается несчастнейшим созданием на земле. «По характеру, каков у вас, вы пожелаете взаимности; но этот человек на вас почти не смотрит, он говорит только о куклах и обращает больше внимания на всякую другую женщину, чем на вас; вы слишком горды, чтобы поднимать шум из-за этого, следовательно, обуздывайте себя, пожалуйста, насчет нежностей к этому господину; думайте о самой себе, сударыня!» – внушала она себе.

А потом Екатерину вдруг посетила новая мысль: «Я никогда не буду любить того, кто не платит мне взаимностью!»

Сначала она испугалась этой мысли, ибо та означала, что Екатерине, быть может, придется остаться в одиночестве. А потом испугалась еще больше – потому что мысль эта означала готовность Екатерины любить иного человека, не му-

жа...

И Екатерина порадовалась, что пока такого человека рядом с ней нет. Уж конечно, это не красавец Андрей Чернышев. Он был мил, но прост; к тому же его выгнали из дворца только лишь за то, что Екатерина как-то разговорилась с ним, стоя в дверях своей спальни. Только потом ей стало известно, что камергер граф Девиер, который увидел это и доложил императрице, давно имел тайный приказ следить за Чернышевым. Андрей пострадал из-за своей порядочности, которой не перенес великий князь. Любитель рискованных глупых забав, он давно заметил потаенную нежность Чернышева к Екатерине и всячески подзуживал своего камердинера, чуть ли не вынуждал его подстеречь Екатерину – и... На этом месте великий князь Петр нервно потирал руки, глаза его начинали похотливо блестеть. Сначала Чернышев просто отмалчивался, поскольку знал, что господин у него с придурью. А потом не выдержал и сказал, что Екатерине Алексеевне суждено стать великой княгиней, а вовсе не госпожой Чернышевой.

Как ни туп был Петр, он понял, что его очень изысканно оскорбили, и решил отомстить камердинеру, который оказался человеком чести – в отличие от господина. Именно по его наущению следили за Чернышевым. Великий князь надеялся таким образом скомпрометировать жену и избавиться от нее.

Ну что ж, императрица убрала Чернышева и троих его

братьев из дворца, угодив этим племяннику, однако опала никак не коснулась великой княгини, ибо ее невиновность и невинность были слишком очевидны.

За это Петр еще пуще невзлюбил жену. И с еще большей горячностью отдался своим увлечениям.

Часто случалось такое: она уходила с ужина, измучившись головной болью от слишком громких голосов, от дурацкого хохота собутыльников принца, от табачной вони – но муж ничего не замечал, так был занят флиртом, например, с герцогиней Курляндской. Оскорбленная тем, что невнимание мужа всеми замечено, что ее жалеют, Екатерина падала на постель и плакала. Она была горда и не могла выносить чужой, обидной жалости, в которой – она это знала совершенно точно! – всегда было немало тайного злорадства.

Бывало, Екатерина засыпала, наплакавшись. Но стоило ей успокоиться и забыться, как появлялся Петр Федорович. Он немедленно будил жену, однако вовсе не потому, что решал справиться о ее самочувствии. На это ему было совершенно наплевать! Ему очень хотелось поговорить о герцогине Курляндской или какой-то другой даме. Но чаще о ней. Главным достоинством ее в глазах принца было то, что она не была дочерью русских родителей и говорила только по-немецки.

Это было огромным достоинством в глазах великого князя, который все русское презирал, не сказать больше. Петр оказывал герцогине столько внимания, сколько был способен: посылал ей в обед вина и некоторые любимые блюда

со своего стола, и когда ему попадалась какая-нибудь новая гренадерская шапка или перевязь, он отправлял их герцогине, чтобы она посмотрела. Все пассии великого князя должны были непременно разделять его милитаристские пристрастия. И даже когда сама Екатерина, пытаясь восстановить мир в семье, проявляла интерес к «шапкам и перевязям», а также к палашам, тесакам, ружьям, штыкам и пушкам, Петр Федорович на какое-то время начинал думать, что и родная жена на что-нибудь годится.

Но «годились» она недолго. Великий князь снова возвращался к своей непрекрасной даме. Екатерина называла ее попросту уродиной – и была права.

Конечно, у герцогини Курляндской были довольно красивые глаза и волосы яркого каштанового цвета, однако эти достоинства не затмевали, а, напротив, подчеркивали ее недостатки. Она была невысока ростом и мало сказать, что кривобока. Герцогиня Курляндская была совершенно горбата! Однако это отнюдь не охлаждало принца. Он вообще предпочитал уродливых женщин, подобно своему дальнему родственнику, шведскому королю, который, как рассказывали, не имел ни одной любовницы, которая не была бы либо горбата, либо крива, либо хрома.

Петра Федоровича всю жизнь тянуло отчего-то именно к особам не просто неказистым, но и страдающим каким-то физическим недостатком. Нет слов, нравились ему не только уродки, но и общепризнанные красавицы: скажем, он с пер-

вого взгляда влюбился в княгиню Наталью Борисовну Долгорукову, в девичестве Шереметеву, вдову фаворита императора Петра II. Жизнь этой женщины была необыкновенно тяжела: из любви к мужу она перенесла тяжелейшую ссылку в Березов (опала настигла Долгоруковых спустя три дня после свадьбы Натальи!), много лишений, едва не умерла с горя, когда Иван Алексеевич Долгоруков был жестоко казнен вместе со своими дядьями. Спустя почти десять лет – в день смерти Анны Иоанновны – княгиня Наталья вернулась в столицу и хотела сразу уйти в монастырь, однако у нее оставались два сына, которых надо было поднимать. Императрица Елизавета Петровна, хорошо знавшая княгиню Наталью в былые годы, привечала ее. В одном из любимых сел государыни, Покровском, и увидел Петр княгиню Наталью.

Эта женщина обладала красотой одухотворенной, безусловной, облагороженной страданиями, и, хоть Наталья Долгорукова была на четырнадцать лет старше принца, он влюбился. Екатерина презрительно называла увлечение мужа «страстишка». Наталья Борисовна и в миру жила, словно в монастыре, а на ухаживания наследника не обращала равно никакого внимания. Разумеется, они не имели никаких последствий.

Конечно, эта «страстишка», несмотря на презрение жены, делала честь великому князю, ибо Наталья Долгорукова была и впрямь восхитительна. Однако он все же оставался верен себе: и тут выбрал не просто красавицу, а женщину, ду-

ша которой была искалечена неисчислимыми страданиями, которые ей пришлось перенести.

Надо ли повторять, что обо всех своих страстях Петр непременно рассказывал жене?

Екатерина терпела влюбленный лепет супруга, сколько могла. Но когда он заводил речь о том, что с такой женщиной, как горбатая герцогиня, он мог быть истинно счастлив, едва не умирала от злости.

«Ты мог быть счастлив? – с ненавистью думала тогда Екатерина. – Как, скажи на милость, ты можешь быть счастлив с женщиной, если ты не в силах сделать ее счастливой? Что бы ты делал, оказавшись в одной постели с твоей ненаглядной уродиной? Тискал бы ее горб, только и всего? Да если бы она узнала о тебе то, что знаю я... Ты ведь не мужчина! Ты несчастный, глупый, злобный венценосный урод, а не мужчина!»

Разумеется, у нее хватало ума не выпалить это в лицо супругу. С тех пор как Екатерина и сама сделалась великой княгиней, она много чему научилась, и прежде всего – вовремя промолчать. Поэтому она только зевала нарочно и делала вид, что засыпает.

Петр Федорович несказанно обижался. Эта невзрачная дурочка – он привык называть жену дурочкой, а красивой не считал ее никогда, ну разве что по юной глупости, когда еще был ее женихом, – осмеливается отнестись пренебрежительно к его тайным, сокровенным признаниям?! Случалось, от

обиды злобно тыкал Екатерину локтем в бок – несколько раз, да так сильно, что у нее дух занимался. Потом Петр поворачивался к ней спиной и, сердито посопев, засыпал. А она, бывало, давилась слезами всю ночь, стараясь не всхлипывать громко. Не потому, что опасалась разбудить мужа – когда он засыпал, его нельзя было разбудить даже громом колоколов или стрельбой из пушек, а не только такой малостью, как женские слезы! – а потому, что могли услышать слуги и пожалеть Екатерину. Или позлорадствовать ее горю.

Конечно, ни фрейлин Лопухину и Карр, ни Шафирову и Воронцову, ни певичку-немку, ни госпожу Седрапарре, ни герцогиню Курляндскую, ни госпожу Долгорукову, ни какую-либо другую женщину великий князь не мог сделать своей любовницей в полном смысле этого слова. По той же причине, по какой не мог сделать женой Екатерину! Однако он укладывал этих женщин в свою постель и забавлялся с ними, как порочный подросток.

Да и все его развлечения были пошлы до крайности! Комната, где Петр играл со своими куклами и устроил театр марионеток, имела общую дверь с одной из гостиных императрицы Елизаветы Петровны. Дверь всегда держали запертой. И вот как-то раз Петр услышал за стенкой голоса. Он расковырял щелочку и увидел, что на половине императрицы накрыт стол, за которым сидит она сама с Алексеем Разумовским, оба одетые более чем свободно – так сказать, по-утреннему.

Оказалось, что в этой комнате императрица завтракала со своим фаворитом и давним возлюбленным, к тому же морганатическим супругом.

Петр пришел в необузданный восторг оттого, что увидел свою суровую тетюшку в такой вольной обстановке, и позвал Екатерину посмотреть на это. Однако та нашла, что подглядывать неприлично, а тем паче за такими событиями, и резко отказалась. Великий князь привычно обозвал жену дурой и привел более покладистых и покорных фрейлин – посмеяться над императрицей.

Правда, смеялся он недолго – о подглядываниях стало известно Елизавете Петровне. Грянула буря, какой принц даже не ожидал. Среди прочего императрица сказала ему, что у государя Петра I тоже был неблагодарный наследник. Все понимали, это было равносильно предупреждению, что голова великого князя тоже может затрепетать на плахе...

Петр испугался и решил поближе присмотреться к своей жене, которая казалась ему теперь отнюдь не дурой, а, напротив, очень хитрой. Ведь она умудрилась не вызвать неудовольствия императрицы!

Увы, благосклонность мужа принесла Екатерине очень мало радости. Всю зиму он спал в ее постели, но при этом только и говорил о плане построить рядом со своей дачей дом, во всем напоминающий монастырь капуцинов. Чтобы не разгневать великого князя, Екатерина принуждена была раз сто, а может, сто пятьдесят перерисовывать план буду-

щего здания.

Но это еще мелочь. На супружеское ложе Петр приводил с собой свору своих собак, которых прятал от запрещения императрицы в алькове Золушки. Собаки чесались, выли, распространяли жуткий запах... ночи Екатерины стали мучением! А днем великий князь избивал собак, они снова выли, визжали, лаяли... Стоило своре умолкнуть, как Петр хватался за свою любимую скрипку, на которой он играл с искусностью дрессированного медведя. Главное, чтобы как можно громче! Великий князь вообще очень любил шум. Особенно когда находился в подпитии, а в таком состоянии он находился почти постоянно. И с каждым днем напивался все сильнее. Во хмелю все его безумие только обострялось. Как-то раз он отдал приказ повесить крысу, которая съела игрушечного часового (он был вылеплен из теста), стоявшего перед картонной крепостью. Для вынесения приговора и приведения его в исполнение был собран настоящий военный совет из любимчиков Петра Федоровича – таких же уродов и недоумков, которые отлично потакали прихотям своего господина.

Иногда великий князь забавлялся, обучая жену ружейным приемам, пока она не научилась это делать с точностью самого опытного гренадера; иногда ставил ее на караул с мушкетом на плече у двери между их комнатами, и Екатерина стояла так целыми часами...

Она порою удивлялась, как это она сама не сошла с ума

при таком муже. Екатерина стала даже жалеть об отъезде матери. Пусть Иоганна бывала невыносима, но все же это был единственный родной человек.

Одно утешение нашла для себя Екатерина, верных и неизменных друзей – это книги. Начала с любовных романов и чередовала их с более серьезным чтением. То это были письма госпожи Севинье, то произведения Вольтера, то исторические сочинения, а то что под руку попадалось. Теперь в кармане платья у нее всегда была книга, и чуть что, Екатерина самозабвенно утыкалась в нее, словно переносясь при этом в другой, куда более совершенный мир.

Одна беда, что от книги иной раз приходилось все-таки отрываться – чтобы лишний раз изумиться окружающему, посмеяться над ним, а то и ужаснуться.

Так, в один прекрасный день все дамы при дворе впали в страшное уныние. Произошло это потому, что императрице пришла фантазия заставить всех обрить головы. Спорить никто не осмеливался: однажды, не выдержав, что жена обергермейстера Нарышкина вызывает всеобщее восхищение своей красотой, Елизавета подозвала ее к себе на балу и при всех срезала у нее с головы фонтаж – прелестное украшение из лент, которое Нарышкина надела в тот день. Потом как-то раз Елизавета самолично остригла завитые челки у двух своих фрейлин под тем предлогом, что не любит такой фасон прически. А ведь вместо волос можно было проститься

с головой... Впрочем, нет, голову бы вряд ли срубили: все же как дала Елизавета Петровна при вступлении на престол слово никого не лишать жизни, так это слово и держала, однако вполне могла велеть урезать язык, бить плетьюми и сослать в Сибирь. Как произошло это с красавицей Натальей Лопухиной – то ли за участие в заговоре маркиза Ботта, то ли за то, что ее прическа оказалась роскошной прически Елизаветы...

Итак, придворные дамы не осмелились перечить государыне и поспешили проститься с волосами. Взамен им были присланы от императрицы черные, плохо расчесанные парики, которые они принуждены были носить, пока не отрастут волосы. Городским дамам позволили головы не брить, однако им тоже прислали парики – с повелением скрыть собственные прически под ними.

Между прочим, причиной сего «благодеяния» послужило то, что императрица не могла смыть пудру со своих волос. А ей очень хотелось явиться на бал не с белыми, а с черными кудрями. И она решила лучше напрочь остричь волосы, только бы не появиться напудренной. Ну а придворные дамы обязаны были во всем следовать примеру своей повелительницы.

Избежала этого безумного приказа только Екатерина. Повезло ей потому, что она незадолго до него очень тяжело переболела, причем за время болезни потеряла все волосы, и они только-только начали отрастать.

В другой раз императрица решила, чтобы во время поездки на богомолье в Тихвин все дамы носили одинаковые собольи шапки – какого-то ужасного провинциального фасона. Екатерина умудрилась потерять свою шапку и натерпелась ужасного страха, что это обнаружится. К счастью, один из придворных, Чоглоков, где-то достал для нее похожую шапку – и императрица ничего не заметила. А Чоглоков был страшно горд и счастлив, что помог великой княгине, в которую был откровенно влюблен.

Да что невзрачный, глуповатый, унылый и женатый Чоглоков! В нее, в бывшую маленькую Фике, в бывшую Золушку, влюблялись теперь очень многие. Она как-то необычайно похорошела, но дело было даже не в красоте, а в той живости, которую источали каждое ее движение, каждая улыбка. Она знала, что нравится, и нисколько не стыдилась этого. В этом и была ее сила. Никакого жеманства – всегда сияние глаз, свет улыбки, оживленные разговоры, готовность танцевать до упаду... Это было редкостью при дворе, где красавицы всегда стремились набивать себе цену.

Императрица, озабоченная тем, что великий князь и его жена не очень ладят между собой, отправила их в гости к своей фрейлине Марье Чоглоковой и ее мужу – в Раев. Туда вдруг зачастил брат императорского фаворита (да и сам бывший фаворитом) Кирилл Разумовский. Он приезжал почти каждый день, и смысл его пылких взоров был слишком ясен. Однако Екатерина держалась безупречно, да и граф Кирилл

был человеком скромным. Так он и не выказал свою любовь к великой княгине. А может быть, он просто побоялся гнева императрицы?..

Захар Чернышев, один из братьев, удаленных еще четыре года назад и возвращенный теперь ко двору, держался куда смелее. В то время в моде было обмениваться на балах записочками – невинного и в то же время фривольного содержания. Записочки красавца Захара становились все менее невинными и все более фривольными. А потом они сделались и откровенно страстными! В конце концов Чернышев вознамерился пробраться в комнату Екатерины, переодевшись лакеем. Едва-едва удалось отговорить его от этой затеи!

Екатерина понимала, что отчасти сама виновата в нескромности поклонника. Дело было не только в ее природной живости и очаровании. Помимо воли она вся источала жажду любви – а это безошибочно чувствовали и блестящие ловеласы вроде Захара Чернышева, и обыкновенные бабники вроде Чоглокова. Екатерина в глубине души чувствовала: она не просто живет – она каждый день надеется, что некое событие переменит однообразное течение ее жизни, она ждет чего-то!

Чего-то или кого-то?..

* * *

– Ваше величество, Дарья Александровна Черкасская просит минуты вашего внимания. Вон она стоит, справа.

Екатерина Алексеевна с улыбкой оглянулась через плечо на своего статс-секретаря Храповицкого:

– Чего это голосок у тебя дрогнул? Вспомнил былую любовь?

Всем при дворе была известна пылкая пасьон, которую некогда испытывал Александр Васильевич к дочери князя Бековича-Черкасского. Известно было также, что Дарья Александровна предпочла другого. Но Храповицкий во время сватовства и свадебных торжеств словно еще надеялся: вот-вот невеста одумается и сбежит из-под венца. Не сбежала... и хоть замужество ее было не из тех, о котором рассказывают с умилением и завистью, бросать супруга она все же не собиралась. И связь Черкасской с бывшим поклонником ограничивалась взаимными холодноватыми поклонами на балах, во время выходов императрицы или при любой другой встрече. Однако сейчас Храповицкий мигом перехватил ищущий взгляд Дарьи Александровны, рядом с которой стояла какая-то довольно долговязая и тощая девица. Храповицкий точно знал, что никогда ее не видел, а между тем лицо ее кого-то очень напоминало. Кого? И вмиг вспомнил – память у него была преобширная, а как же, иначе на такой

должности, как статс-секретарь императрицы, не удержишься! – что в Москве недавно скончался отец Дарьи Александровны, на воспитании которого пребывала ее племянница, дочь Марьи Александровны Щербатовой – несчастной женщины, поистине несчастной при таком-то супруге, который мало что пугачевский мятеж проворонил, так еще и жену ославил и распустил слух, что он-де собственноручно выгнал ее из дому, а не она сама от него ушла! И Храповицкий мигом смекнул, зачем он надобен Дарье Александровне. Надо племянницу пристроить на теплое местечко. На какое? Не стоит труда угадать!

Александр Васильевич быстро перевел глаза на девушку, потом снова посмотрел на Черкасскую, приподнял брови и окинул выразительным взглядом галерею, по которой приближалась к ним императрица. Дарья Александровна кивнула, и глаза ее благодарно повлажнели: итак, дорогой друг былых дней все правильно понял, он поможет, не зря она предприняла эту дерзкую вылазку во дворец! Храповицкому было неведомо, какие связи, свои или супруга своего, пустила в ход Дарья Александровна, чтобы попасть к «малому выходу» государыни, во время которого, удачно попавшись на глаза императрицы и рискнув обратиться к ней с просьбою, можно было сыскать решения множества трудных, порой казавшихся неразрешимыми житейских вопросов. Однако сама заговорить с государыней она не решалась, да это и считалось неприличным. В случае такой дерзости Екатерина Алексеев-

на могла оказаться мила и любезна с каким-нибудь инвалидом времен Миниховых побед под Очаковым или, скажем, с промышленником, явившимся просить откупов, однако за просто прошла бы мимо Черкасской, не заметив ее, – просто потому, что та была, в представлении императрицы, вполне благополучна, а значит, могла обойтись и без монаршей милости. Но если статс-секретарь обратит внимание государыни на Черкасскую, ее величество проявит величайшую внимательность. Конечно, Дарья Александровна на это и рассчитывала. И не ошиблась.

– Ваше величество, будьте милосердны, помогите пристроить сироту!

С этими словами Черкасская нырнула в таком глубоком реверансе, что со стороны могло показаться, будто она утонула в своих фижмах. Девица, до того стоявшая навтыяжку рядом и расширенными, недоверчивыми глазами глазевшая на императрицу, спохватилась, что надобно последовать те тушкиному примеру, но совершила гораздо менее удачный нырок и едва не упала на колени.

Вокруг послышались смешки.

– It is severe, – возмущенно прошептал кто-то рядом с Храповицким, и тот узнал голос английского посла Аллейна Фитцгерберта.

Это жестоко, ишь ты! Всякий двор жесток и насмешлив, русские не хуже и не лучше других. Что ж это так разжалобило невозмутимого британца? Неужели скромные преле-

сти мадемуазель Щербатовой, туго затянутые в корсет и тщательно прикрытые черным гродетуром⁶?

Черкасская тоже была в глубоком трауре, однако для своих грудиц сделала хоть малое, но все же послабление, а племянницу затянула шнуровкой, словно задушить собралась.

Между тем императрица тоже посмотрела на смущенную девушку сочувственно.

– Встань, милая, – сказала, улыбаясь. – Вижу рядом с тобой княгиню Дарью Александровну – это не ты ли ее племянница, княжна Дарья Щербатова? Что-то лицо мне твое знакомо, словно бы видела я тебя прежде... Нет, говоришь? Да я и сама знаю, что нет, а вот поди ж ты... Ладно, коли вспомню, то скажу. Так вот о твоём деле. Это не о тебе ли просил меня вчера светлейший князь Григорий Александрович? Я читала твое к нему письмо. С большим достоинством просьба твоя высказана, понравилось мне.

Княгиня Черкасская сделала какое-то странное движение, словно пыталась выбраться из глубины своих фижм, однако не посмела. Впрочем, Храповицкий увидал промельк несказанного изумления на ее лице. Похоже, о том, что племянница писала Потемкину, тетушка и слыхом не слыхивала.

Девушка Щербатова разогнула колени и встала. Похоже, ей было неловко, что хитрость с Потемкиным так внезапно вскрылась.

---

⁶ Плотная шелковая ткань, весьма популярная в описываемое время, иногда называвшаяся просто «гро».

– Простите, ваше величество, и вы, тетушка, – пробормотала она, краснея и запинаясь. – Но вы, ma tante, держали в тайне, какую участь мне готовили, я опасалась монастырского заточения... посему и решила молить о милости светлейшего князя, уповая, что он помнит: отец мой, прежде чем снискать себе немилость монаршую, снискивал и многие милости, причем за дело.

Лицо Черкасской, все еще погруженной в свои юбки, видимо посерело, и Храповицкий понял, в каком ужасном состоянии пребывает сейчас его бывшая пассия: московская сиротка не только обошла ее на вороних, устроив свою судьбу собственными руками, но и заодно, словно невзначай, наклеузничала на нее и светлейшему князю, человеку всесильному в раздаче монарших изволений, и самой императрице.

«Ловкая девка», – подумал Храповицкий неодобрительно: он практически ничего еще не знал о девице Щербатовой, однако кознями против его бывшей возлюбленной она немедленно заслужила его холодность. И если бы сейчас государыня спросила его, как спрашивала частенько: что-де ты обо всем этом думаешь, Александр Васильевич, как нам быть с этой молодой особой? – он бы отозвался неодобрительно. И, глядишь, Екатерина Алексеевна отвернулась бы от этой слишком, на взгляд статс-секретаря, пронырливой худышки. Обычно свойственное ему чувство справедливости сейчас было заслонено тем неловким положением, в которое попала княгиня Черкасская. К тому же ему вдруг ста-

ло ясно, что она не поднимается не только потому, что не смеет сделать это без разрешения императрицы. Видно было, что каркас, на котором держались юбки, погнулся, приковав ее к земле, теперь Дарье Александровне ни за что не выпрямиться без посторонней помощи!

Однако сейчас нечего было и думать спешить к ней на подмогу.

А между тем Екатерина Алексеевна, похоже, и не намеревалась спрашивать одобрения у верного слуги. Она снова улыбнулась Щербатовой и проговорила:

– Решено твое дело, княжна. Сейчас отведут тебя на половину фрейлин, под присмотр баронессы Матльтвиц, она займется твоим воспитанием. – И, не слушая лепета девицы, которая от радости издавала какие-то бессвязные звуки, обернулась к стайке фрейлин, сгрудившихся чуть поодаль от своей госпожи, с любопытством разглядывая новенькую: – Марья Васильевна, Марьюшка, окажи мне услугу, отведи эту девицу к баронессе.

Обогнув фаворита, Александра Мамонова-Дмитриева, который стоял прямо позади императрицы и со скучающим видом мерил взором участников сей сцены, вперед вышла высокая рябоватая девушка. Синее шелковое платье сидело на ней так, словно было ей совершенно чужим. Звали ее Марья Васильевна Шкурина, и это была дочь человека, который некогда оказывал императрице услуги наиделикатнейшего свойства и был ею горячо любим и уважаем. Именно в

память о его великих заслугах Екатерина приблизила к себе и сделала фрейлиной его дочь.

Девушка унаследовала невзрачность отца, однако лучистая улыбка совершенно преображала ее лицо.

Вот и сейчас – лишь только она посмотрела на перепуганную Щербатову и улыбнулась ей, все окружающие сразу поняли, что Марья Васильевна взяла новенькую под свое покровительство и девушки непременно станут подругами.

Но все окружающие ошиблись... Они станут не подругами, а сообщницами, и окажется, что проницательнейшая из женщин, как часто называли Екатерину Алексеевну, из лучших побуждений выпустила такую-ую щучку в озерко своего житейского и сердечного благополучия, каких немного встречала за свою многотрудную и богатую событиями жизнь.

Но все это было еще, как любят говорить господа сочинители, в тени грядущего...

Шествие двинулось дальше по галерее. Правда, Храповицкий несколько задержался: мимоходом вынул, наконец, Дарью Александровну Черкасскую из ее скомкавшихся фижм и поставил на ноги, после чего поспешил за императрицей. Это было все, чем он мог помочь своей бывшей пассивности.

Императрица невольно улыбнулась, вспомнив себя в те далекие годы. Ждать неведомо чего – это прекрасно. Столько лелеешь надежд! И веришь, что все будет великолепно. Если любовь – то обязательно взаимная и вечная. И она непременно закончится пышной свадьбой, как в сказках!

А между тем тогда она была уже замужем. И это ее несколько смущало. Самую малость, но все же смущало. Она ведь помнила о своем положении. Любовь – значит супружеская измена. Прелюбодеяние! Сладострастие! А это смертный грех. Грешить было страшновато... И все же Екатерина смутно понимала, что готова согрешить, предаться греху. Она ведь знала: *quod licet Lovi, non licet bovi*, что дозволено Юпитеру, не дозволено быку. Ей очень нравилась эта поговорка! Она была чем-то вроде индульгенции.

Екатерина ждала... и дождалась. Встрепенулась, когда в ее кругу появились два новых лица – камергер Сергей Салтыков, сын одной из любимейших фрейлин императрицы, недавно женившийся, и его друг Лев Нарышкин.

Нарышкин оказался одним из самых странных людей, каких только приходилось встречать Екатерине. Никто так не смешил ее, как он. «Это врожденный арлекин, – размышляла Екатерина, – и если бы он не был знатного рода, к которому принадлежал, то мог бы зарабатывать своим комическим

талантом». Левушка (его можно было называть только так, отчество к нему совершенно не шло!) был очень неглуп, обо всем наслышан и замечательный собеседник. А лучше всего он умел занимать Чоглокова, который пытался надзирать за великой княгиней. Нарышкин заговаривал ему зубы, а в это время Салтыков обращался с пламенными признаниями к Екатерине.

Вот какова была причина его частых посещений! Любовь!

Екатерина едва не лишилась чувств, когда услышала это признание. Ведь Салтыков был прекрасен, как день, а как он был красноречив, какую восхитительную картину будущего счастья он рисовал! Счастья, которое настанет, как только Екатерина ответит на его страсть...

– А ваша жена, на которой вы женились по страсти два года назад и которая любит вас до безумия, – что вы на это скажете? – спросила Екатерина. Не потому, что была очень уж благонравна или благоразумна, а потому, что пыталась найти соломинку, за которую можно ухватиться, – дабы не ринуться с головой в омут страсти. Но... ох, как ее тянуло броситься туда, в этот омут!

– Не все то золото, что блестит, – печально сказал Сергей. – Ах, кабы вы знали, как дорого я расплачиваюсь за миг ослепления!

Екатерина слушала и думала, что, конечно, он самый пленительный кавалер на свете. Никто не мог сравниться с ним при императорском дворе! У него не было недостатка ни в

уме, ни в искусстве обольщения. Салтыкову было двадцать шесть лет, он знал свет, а еще лучше знал женщин и великолепно умел с ними обращаться. Именно эта вкрадчивая опытность и делала его неотразимым в глазах бедной Екатерины, которой до смерти надоел ее инфантильный, грубый супруг. Этот самый супруг не умел быть любезным даже с теми, в кого он был влюблен, а влюблен он был постоянно и ухаживал за всеми женщинами подряд, и только та, что звалась его женой, была исключена из круга его внимания. А тут Екатерина вдруг встретилась с самым пламенным, самым нежным обожанием, о каком она могла только мечтать!

Она не спала ночь, а на другой день, на охоте, уловив минуту, когда все были заняты погоней за зайцами, Сергей Салтыков начал делать уже самые смелые признания. И не только признания... За несколько минут уединения Екатерина успела узнать, к примеру, о поцелуях гораздо больше, чем за всю свою предыдущую жизнь.

– Ради бога, уезжайте! – наконец закричала она, сама не зная, чего боится больше: то ли настойчивости Сергея, то ли собственной слабости, то ли внезапного появления кого-нибудь из охотников.

– Не уеду, пока не скажете, что я вам по сердцу, – шептал Сергей, горячо хватая ее за руки.

– Да, да, только убирайтесь! – почти в отчаянии выкрикнула Екатерина.

– Да?! – радостно повторил он. – Я это запомню! – И при-

шпорил коня.

– Нет, нет! – спохватилась Екатерина, но он повторил:

– Да, да!

Екатерина вздохнула с облегчением. Все мысли о благоразумии, померкшие было в свете прекрасных глаз Сергея Салтыкова, вновь вернулись к ней. Она стала убеждать себя, что надо быть сдержанней и холодней. И даже подумала: как хорошо, что Салтыков сегодня же уедет! Вдали от него ей будет легче не думать о нескольких минутах сладостного смятения, когда она чуть не забыла обо всем на свете...

Однако каковы же были изумление и ужас принцессы, когда, вернувшись в дом, она узнала, что Салтыков не уехал. И его вины в том не было: дом Чоглоковых стоял на острове, а вечером разыгрался такой шторм, что волны доходили до самого крыльца.

В этом Екатерина увидела перст судьбы.

Ночью она лежала без сна в своей комнате, пристально глядя на дверь, словно ждала, что та вдруг откроется. Еще бы: ведь она сама, нарочно, оставила заветную дверь не замкнутой на ключ!

И дождалась. Дверь открылась, на пороге возникла высокая мужская фигура. И в ту ночь бывшая Золушка, наконец, узнала все, что она так давно хотела узнать о различии полов...

Для Екатерины настало безумное, странное время. Оно

было наполнено и невероятным счастьем – и большой опасностью. Легко было обмануть тщеславных Чоглоковых, заморочить им головы, почему блестящий камергер Салтыков зачастил в их унылую глушь. Однако многие отличались куда большей проницательностью. Что-то начал подозревать даже недалекий принц. Дошли пересуды и до ушей императрицы. Она вызвала принца и Екатерину к себе в Петергоф (в компании с Чоглоковыми) и принялась присматриваться к молодой женщине. Видно было, что Елизавета только и ждет, на чем сорвать накопившееся раздражение.

Екатерина, впрочем, сама дала повод к себе придрататься. Началось с малого: с манеры верховой езды. Неприличным считалось скакать по-мужски, свесив ноги по обе стороны седла, а английскую манеру сидеть боком Екатерина терпеть не могла. С помощью берейторов, которые тоже не любили английские седла и находили эту посадку опасной и ненадежной, она придумала седло, на котором можно было сидеть и так, и этак. Садилась чинно, по-дамски. А улучив момент, когда ее никто не видел, перекидывала ногу через седло и скакала, как хотела. Верховую езду Екатерина любила до самозабвения и считалась одной из лучших наездниц.

Каким-то образом невинные хитрости великой княгини и ее проделки с седлами стали известны императрице. Елизавета Петровна застигла Екатерину сидящей верхом по-мужски – вдобавок в мужском костюме – и гневно выговорила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.